Анна Соколова

В борьбе за равное погребение: похоронное администрирование в раннем СССР

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-594-621

Anna Sokolova

Struggling for Equal Burial: Funeral Administration in Early Soviet Union

Anna Sokolova — Institute for Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). annadsokolova@gmail.com

Bolsheviks' program of separation of Church from State involved a bunch of issues connected to the abolishment of social and confessional inequality. Funeral reform initiated by the government decree on funerals and cemeteries (1918) was a part of this program. The decree stated the abolishment of funeral classes, deprived Church from all funeral incomes and stated "equal burial for everyone." The paper, based on the materials from State Archive of Moscow Region (GAMO), reflects the results of the atheist funeral reform in Moscow in 1920–1930s. The decree of 1918 destroyed the funeral infrastructure based upon the principles of confessional "moral economy". The subsequent retrieval to the pre-Soviet frames of funeral infrastructure became the only way for it to recover from crisis.

Keywords: funerals, secularization, classes, social estates, moral economy.

Одной из важных задач Советской власти в период формирования нового государства был вопрос об отделении церкви от государства. Речь шла как о лишении церкви

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 17-78-10208. Я благодарю анонимных рецензентов журнала за ценные комментарии и советы, позволившие сделать эту статью значительно лучше.

Соколова А. В борьбе за равное погребение: похоронное администрирование в раннем СССР // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1-2. С. 594–621.

Sokolova, Anna (2019) "Struggling for Equal Burial: Funeral Administration in Early Soviet Union", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 37(1-2): 594–621.

символической власти и экономической базы, так и об отчуждении у церкви гражданских функций, таких, например, как регистрация браков, рождений и смертей. В данной статье на материалах Государственного архива Московской области (ГАМО) мы рассмотрим, какое влияние эти процессы оказали на администрирование, хозяйственную организацию и экономику похоронного дела, а также на практику повседневных похорон в Москве в 1920–1930 годы.

Совокупность инициатив и конкретных мер, центром которых был Декрет СНК 7 декабря 1918 года «О кладбищах и похоронах», а также связанная с ними публичная дискуссия могут быть описаны как похоронная реформа 1917–1918 годов. Данная похоронная реформа затрагивала огромный спектр вопросов, включавших в себя проект создания новой обрядности — «красных похорон»; легализацию и пропаганду кремации; создание коммунистических некрополей на Марсовом Поле в Петрограде и у кремлевской стены в Москве; функциональную трансформацию старых городских кладбищ и др., однако, эти вопросы остаются за рамками данного исследования[1]. Основным предметом данной статьи является трансформация похоронной отрасли, прежде всего той ее части, которая была связана с практикой *повседневных* похорон. В центре нашего внимания будут преимущественно действия властей, и в меньшей степени — антропологическое измерение этих процессов, то есть такие важные аспекты, как процесс формирования новых отношений человека со смертью.

1. Об этих вопросах в частности см. Merridale, C. (2002) *Night of Stone. Death and Memory in Twentieth-Century Russia*. Penguin Books; *Маслинская С.Г. (Леонтьева)* «По-пионерски жил, по-пионерски похоронен»: материалы к истории гражданских похорон 1920-х гг. // Живая старина. 2012. № 3. С. 49–52; McDowell, J. (1974) "Soviet Civil Ceremonies", *Journal for the Scientific Study of Religion* 13(3): 265–279; Binns, C.A.P. (1979) "The Changing Face of Power: Revolution and Accommodation in the Development of the Soviet Ceremonial System. Part I.", *Man (New series)* 14: 585–606; Binns, C.A.P. (1980) "The Changing Face of Power: Revolution and Accommodation in the Development of the Soviet Ceremonial System. Part II", *Man (New series)* 15: 170–187; *Соколова А.Д.* Новый мир и старая смерть: судьба кладбищ в советских городах 1920–1930-х годов // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018. № 1 (117). С. 74–9; «Гроб неизбежен...». Гвидо Бартель о кремации: инженер и гигиенист. С комментариями Анны Соколовой // Археология русской смерти. 2018. Том 5. Стр. 24–58; *Соколова А.Д.* Трансформации похоронного обряда в 1920-е года // Традиционная культура русского народа в период 1920–1930-х годов: трансформации и развитие / отв. ред. В.А. Липинская. М.: «Индрик», 2016; *Соколова А.Д.* «Нельзя, нельзя новых людей хоронить по-старому!» Эволюция похоронного обряда в Советской России // Отечественные записки. 2013. № 5(56). С. 191–208.

История становления похоронной отрасли в Москве в ранние послереволюционные годы является крайне показательной не только для понимания политики большевиков в отношении церкви, смерти и/или похорон, но и для более широкого понимания процессов государственного строительства и создания советских институтов и учреждений. Рассмотренный материал показывает, что, несмотря на полноту власти в городе, новое правительство не могло руководствоваться в своих действиях исключительно одной идеологией. Большевистские идеи всегда были ограничены самыми разными внешними — материальными, социальными, культурными — обстоятельствами. Кроме того, в первые годы советской власти большевики, несмотря на желание казаться таковыми, не были выразителями некоего монолитного комплекса идей и императивов, какими стала часто представлять их позднейшая историография (притом не только советская). Идейная подоплека, часто просто из-за отсутствия среди самих большевиков консенсуса в отношении тех или иных сторон жизни общества, не могла обусловливать все аспекты жизнедеятельности не только страны, но даже города. Повседневность ставила перед властью новые и новые задачи, которые требовали немедленных оперативных решений, далеко не всегда обусловленных идеологией.

Рассматривая политику большевиков в отношении смерти и похоронного администрирования преимущественно сквозь призму советской идеологии, как, например, это делает историк Светлана Малышева в своей недавней статье[2], мы упускаем из виду весь тот сложный комплекс факторов и обстоятельств, который сформировал похоронное обслуживание в городе и стране именно таким, каким мы его знаем. В то же время эволюция политики городских властей в области погребения, начиная с революции, продолжаясь в периоды безденежной экономики и «военного коммунизма» и, далее, во время новой экономической политики (НЭПа), ясно показывает, насколько идеологически подвижными были инициативы большевиков в области государственного управления и насколько в действительности гибкой и утилитаристской была их политика.

Так, опыт похоронной реформы 1917–1918 годов однозначно показал, что революционные преобразования не могли не учи-

2. Malysheva, S. (2017) “The Russian Revolution and the Instrumentalization of Death”, *Slavic Review*, 76(3): 647–654.

тывать базовых принципов дореволюционного государственного и общественного устройства. Вся инфраструктура похорон, доставшаяся большевикам «в наследство» от прежней власти, была сформирована по сословному и конфессиональному принципу. Именно этот принцип работы позволял ей бесперебойно функционировать в Российской империи. Принцип похорон всех прихожан внутри своей религиозной общины (или шире — конфессии) создавал поле общей ответственности за захоронения. Если в сельской местности эта ответственность реализовывалась посредством коллективного ситуативного ухода за могилами широкого круга родственников, то в городах эти вернакулярные практики дополнялись системой Обществ попечительства о бедных духовного звания, в обязанности которых входил в числе прочего и уход за могилами[3]. Из понимания благоустройства кладбищ как «общего блага» следовали и принципы моральной экономики, в которой более состоятельные люди для достижения общего благоустройства кладбищ платили за места на кладбищах существенно более крупные суммы. Сам факт покупки мест на кладбище, то есть своеобразное право собственности на часть этой общей территории, был важным основанием этой моральной экономики погребения.

Похоронная реформа 1917–1918 годов предполагала установление новых правил, основанных на идее другой, якобы более справедливой концепции «общего блага», чем та, которая была принята при старом режиме. Декреты 1917 и 1918 гг. полностью разрушили старые основания похоронного дела, что немедленно повлекло за собой острейший похоронный кризис. Новое «общее благо» должно было быть основано на принципах бесплатности и всеобщего равенства, как в доступе к элементам инфраструктуры (как например, кладбища для всех без разделения на конфессии), так и в оплате и обряде. Как оказалось, эти идеи были несовместимы с самой архитектурой похоронной инфраструктуры в России, что предопределило фактический возврат к ней в ситуации развала похоронной отрасли уже в первой половине 1920-х годов.

3. Попечительство о бедных духовного звания было учреждено в 1823 году и имело основной целью «заботу о бедных вдовах и сиротах духовенства, а также о бедных больных священнослужителях и церковнослужителях (причетниках)». Общества попечительства были организованы в каждой епархии, в них входили несколько заслуженных священников, избираемых епархиальной властью. Деятельность обществ осуществлялась в основном за счет добровольных пожертвований. (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIVa (1898): Полярные сияния — Прая, с. 550–551).

«Моральная экономика» похоронного дела до революции

Похоронный обряд, как и другие обряды жизненного цикла, в России до революции находился всецело в руках религиозных организаций. Каждый человек должен был быть погребен в соответствии с правилами той конфессии, к которой он был формально приписан. Влияние религиозных общин касалось не только самого погребения и его регулирования, но и администрирования похорон, управления кладбищами и, конечно, доходами от погребений. Все кладбища находились в полном ведении духовенства (в случае Москвы — Московской духовной консистории), которое препятствовало всякому вторжению светских властей в кладбищенское управление. Несмотря на то, что формально на рынке похоронных услуг существовали и независимые агенты, они все равно оказывались в сфере влияния кладбищенского причта. При этом похоронный обряд был привязан не только к религиозной, но и к сословной принадлежности. Существовало семь разрядов похорон, основанных на социальном статусе умершего, в соответствии с которыми происходило распределение мест на кладбище[4]. Огромные суммы, которые платили за места по высоким разрядам, не только покрывали часть расходов беднейших сословий, но и составляли доход кладбищенского причта, который частично тратился на нужды кладбищ и попечение о бедных духовного звания, а частично составлял доход причта. В структуре доходов кладбищенских священников доходы от похорон составляли существенную статью.

Сословно-конфессиональная ориентация похоронной инфраструктуры была, таким образом, важной и структурообразующей особенностью похоронной отрасли в России до революции. Эта система, создававшаяся и поддерживавшаяся столетиями, функционировала как своего рода «моральная экономика», в которой каждый из членов прихода совершал посильный вклад для поддержания кладбища в достойном состоянии и обеспечения деятельности причта. Похороны и содержание кладбищ становились, таким образом, «общим благом» для широкого круга лиц, связанных с данным кладбищем, а не только для родных и близких умершего. Приходская, общинная структура похорон, при

4. *Филиппова С.В.* Кладбище как символическое пространство социальной стратификации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 4. С. 81–82.

которой прихожан одной церкви, родственники которых тесно связаны друг с другом и вне похоронного обряда, хоронят на одном кладбище, определяла то, что значимыми становились могилы не только ближайших родственников, но и людей относительно далеких как по родству, так и по социальному положению. В наибольшей степени это, несомненно, было (и остается) характерным для сельских кладбищ, где каждый визит предполагает минимальный уход не только за «своими» могилами. Однако и поддержание внешнего вида городских кладбищ оставалось делом общины, чему, несомненно, способствовал тот факт, что и управление кладбищами было разделено между конкретными приходами внутри конфессий. Отметим, что термин «моральная экономика» часто употребляется в контексте низового сопротивления крестьян вслед за Джеймсом Скоттом[5]. Нас, однако, интересует «моральная экономика» не как «оружие слабых», а как адаптивный механизм, играющий консолидирующую роль в иерархичных сословных обществах[6]. Конкретно в нашем случае «моральная экономика погребения» обеспечивала бесконфликтное взаимодействие различных по достатку и сословной принадлежности социальных групп в границах территории того или иного прихода. Именно эта важная особенность рынка ритуальных услуг Российской империи позволяла ему работать и сохранять баланс в условиях традиционной низкой «маржинальности» похоронного дела[7] и огромного процента похорон по низшим, самым дешевым и даже бесплатным разрядам.

Отделение церкви от государства и похоронные практики

Атеистическая работа большевиков была направлена на преодоление «поповского диктата» в области похорон. Так, в марте 1917 года В.Д. Бонч-Бруевич писал:

5. Scott, J.C. (1977) *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. Yale University Press; Scott, J.C. (1985) *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. Yale University Press.

6. О «моральной экономике» как адаптивном механизме см.: Wegren, S.K. (2005) *The Moral Economy Reconsidered Russia's Search for Agrarian Capitalism*. New York: Palgrave Macmillan.

7. *Мохов С.* Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. М.: Commonplace, 2018. С. 63–65, 138–141.

> Само собой понятно, что из этой основной реформы (государственной реформы отделения церкви от государства и школы от церкви. — *А.С.*) должны вытекать давно жданные свободомыслящими людьми гражданский брак[8] и гражданские похороны... Хоронить наших покойников мы также можем гражданским порядком на любом из кладбищ без участия духовенства. Желающие же могут хоронить по-старому, с духовенством, но обязательность таких похорон должна быть отменена совершенно[9].

Юридически кампания по отделению церкви от государства в сфере похорон реализовывалась через Декрет о свободе совести (об отделении церкви от государства и школы от церкви) и Декрет о кладбищах и похоронах, а также через инструкции по проведению этих декретов в жизнь. Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 20 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» отменял обязательность исполнения религиозных обрядов и передавал акты гражданского состояния в ведение «исключительно гражданской власти, отделам записи браков и рождений»[10]. Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 7 декабря 1918 года «О кладбищах и похоронах» отменял разряды мест погребения, передавал все кладбища, крематории[11] и морги, а также саму организацию похорон в ведение местных Советов, отменял оплату мест на кладбищах, устанавливал одинаковые похороны для всех граждан. При этом отмечалось, что религиозные обряды могут совершаться по желанию родственников за их собственный счет[12].

8. Стоит отметить, что под гражданским браком здесь Бонч-Бруевич понимает отношения, зарегистрированные не в церкви (церковный брак), а в гражданском институте, таком как ЗАГС.
9. *Бонч-Бруевич В.Д.* Отделение церкви от государства // Деятели Октября о религии и церкви. М.: Изд-во «Мысль», 1968. С. 13. (Статья впервые опубликована в газете «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», № 13, 22 марта 1917 г.).
10. Декрет СНК Об отделении церкви от государства и школы от церкви // Декреты Советской власти. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 1. С. 372.
11. Отметим, что в этот момент на территории РСФСР не было ни одного крематория.
12. Декрет СНК О кладбищах и похоронах // Декреты Советской власти. М.: Государственное издательство политической литературы, 1968. Т. 4. С. 163–164. Об уравнительном характере декрета см. также: Паперный, В. Культура два. М.: НЛО, 1996. С. 116.

Таким образом, похоронная реформа в рамках отделения церкви от государства имела три основных цели. Во-первых, необходимо было лишить церковь и другие религиозные институты контроля над погребением и доходами от него. Таким образом, церковь лишалась существенного источника дохода, и юридически создавалась возможность для безрелигиозных похорон. Во-вторых, необходимо было уничтожить деление на разряды погребения, то есть сделать похороны единообразными и доступными для всех. Третьей целью было введение кремации, против которой систематически выступала церковь[13].

Это привело к ряду изменений в похоронном администрировании. Регистрация смертей была перенесена в совдепы и органы ЗАГС. Оплата мест на кладбищах полностью отменялась. Оплата услуг в похоронных бюро и причту заменялась оплатой необходимого минимума (гроб и копка могилы) в совдепе или предъявлением ордера социального страхования[14]. Полностью ликвидировалась конфессиональная специфика кладбищ — теперь любой человек вне зависимости от религиозных убеждений или их отсутствия мог быть похоронен на любом кладбище.

Таким образом, разрушалась сама основа функционирования похоронной системы, связывавшая отдельные инфраструктурные элементы в работающее целое. Сословно-конфессиональный принцип работы похоронной отрасли отменялся, разрушая тем самым эффективную модель «моральной экономики» погребения. Религиозная община больше не несла коллективной ответственности за состояние захоронений и не распределяла между собой издержки на ее содержание. Однако ни декреты, ни инструкции не давали четких указаний на то, по каким принципам должна строиться новая архитектура похоронной отрасли. Единственным ориентиром, как следствие отказа от распределения издержек в рамках дореволюционной «моральной экономики», оставался принцип равенства похорон для всех граждан.

13. *Белякова Е.В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. (Серия: Церковные реформы). М.: Круглый стол по религиозному образованию и диаконии, 2013. С. 537.

14. Отметим, что даже при взимании самой минимальной оплаты в 1918–1919 годах основной тенденцией в этой, как и в других сферах жизни был полный переход на безденежные отношения.

Последствия декрета для московских кладбищ

Основным следствием Декрета о похоронах стала муниципализация кладбищ и другой похоронной инфраструктуры, включая частные бюро похоронных услуг, то есть их переход в ведение местных Советов[15]. Это произошло крайне быстро. Так, в случае Москвы в течение двух месяцев вся похоронная инфраструктура переходит в ведомство Отдела похоронно-санитарных мероприятий (позже — похоронный подотдел Отдела благоустройства[16]) Московского коммунального хозяйства (МКХ) Моссовета[17]. В ведении новой организации оказались 33 кладбища разных конфессий общей площадью 300 десятин (т.е. 3,2 кв. км)[18].

Результаты муниципализации кладбищ оказались плачевны. Если до революции похоронное дело, основанное на принципах «моральной экономики», пусть не идеально, но работало без серьезных перебоев, то 1919 год вошел в историю города как «похоронный кризис», справиться с которым полностью удалось лишь несколько лет спустя.

Первым и, возможно, самым тяжелым ударом, постигшим отрасль, стала потеря инвентаря и рабочих рук. Большинство рабочих и могильщиков московских кладбищ, как здоровые и сильные мужчины, годные к тяжелой физической работе, очень скоро

15. Очевидно, что этот процесс происходил в контексте муниципализации и национализации парков, дворцов, заводов, железных дорог и других объектов и т. д.

16. Название отдела и его место в структуре московского коммунального хозяйства несколько раз менялось. Первоначально (4–17 февраля 1919 года) Моссовет предлагал передать похоронное дело в городе в руки Московского Центрального Рабочего Кооператива (МЦРК), однако МЦРК отверг это предложение (ГАМО. Ф. 4557. Оп.1. Д. 53. Л. 1, 14). 27 февраля 1919 года создается «Отдел похорон гражданского населения» (он же — Отдел Погребально-Санитарных мероприятий) при Московском Совете рабочих и крестьянских депутатов (ГАМО. Ф. 4557. Оп.1. Д. 53. Л. 22). Отдел начинает свою работу с 6 марта 1919 года (ГАМО. Ф. 4557. Оп.1. Д. 55. Л. 1). В Отдел входят 1. Подотдел кладбищ, 2. Подотдел похоронных бюро, 3. Подотдел транспорта, 4. Подотдел кремации, 5. Подотдел учета и информации (ГАМО. Ф. 4557. Оп.1. Д. 55. Л. 2). С 1921 г. — Похоронный отдел Московского коммунального хозяйства, с 16.01.23 — Похоронный подотдел отдела благоустройства МКХ (ГАМО. Ф. 4557. Оп.8. Д. 633. Л. 3–4). С сентября 1929 года Похоронный подотдел был расформирован, и его функции были переданы местным советам (ГАМО. Ф. 4557. Оп.8. Д. 655. Л. 59, 69, 78).

17. ГАМО. Ф. 4557. Оп.1. Д. 53.

18. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 27, 27 об., 28. Многие из этих кладбищ были переполнены еще в конце XIX века и продолжали работать только благодаря регулярной прирезке территорий. См.: Канализация г. Москвы, очистка, водостоки, бани и кладбища / Под ред. П.В. Сытина. М.: Издание МКХ, 1925. С. 75–77.

были мобилизованы в армию[19]. Лошади были реквизированы для нужд фронта или пали от плохого ухода и общей бесхозяйственности[20]. В то же время переход на безденежные отношения и кризис снабжения заставляет работников Похоронного отдела (как конторских служащих, так и рабочих кладбищ) постоянно ездить в продовольственные экспедиции[21]. Обязательность труда, с одной стороны, и плохое снабжение, с другой, приводят к чудовищной текучке кадров и трудоустройству людей, явно не способных выполнять свои обязанности[22]. Даже рабочий инвентарь бесследно исчезает, и на кладбищах зачастую остается лишь несколько ломов и лопат[23]. Ситуация усугубляется тем, что муниципализированные частные похоронные бюро, переведенные на безденежный расчет, систематически саботируют работу[24].

Помимо проблем администрирования похоронной отрасли, ситуация осложняется общими социальными и демографическими условиями этого времени. Миграционные потоки 1918–1920 годов, связанные с переносом столицы, мировой войной, гражданской войной, голодом, изменяют демографическую ситуацию в городе. Резкий приток жителей в город, лишенный соответствующего снабжения, а также эпидемии сапа и сыпного тифа приводят к скачкообразному росту нагрузки на похоронную индустрию[25]. В период с 1917-го по 1922 год происходит резкий рост абсолютного числа смертей. Если в 1917 году смертность в городе составляла 25 человек на 1000 жителей, то в 1919 году этот показатель составил уже 48,5 человек[26].

19. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 50. Л. 1 об.

20. Так, в 1920 году отдел располагал лишь 4 лошадьми при потребности в 100–120. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 52. Л. 4, 6, 8; ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 1 об., 2.

21. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 50. Л. 1 об.

22. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 3. Д. 436. Так, например, в 1918–1919 годах большую часть кладбищенских рабочих и сторожей составляют пожилые женщины, которые часто не справляются со своей работой. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 54. Л. 5.

23. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 50. Л. 1; ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 8.

24. Чтобы решить эту проблему, отдел берет с бывших владельцев расписки в том, что «они не ликвидируют своего дела и не сократят деятельности без разрешения Совдепа». ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 11.

25. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 11 об.; ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 1.

26. *Бартель Г.* Кремация. М.: Издание МКХ, 1925. С. 20. «В Москве, как показывают статистические данные за десятилетие с 1909 по 1918 г., годовая смертность выражалась в цифре 45–50 тысяч. Под влиянием антисанитарных условий и эпидемий эта цифра грозила удвоиться» (ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л.1). ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 50. Л. 1.

Страшнейший похоронный кризис разразился к весне 1919 года. Люди умирают в больницах и поездах[27], морги и мертвецкие при больницах переполнены, к апрелю 1919 года остаются незахороненными сотни тел, многие из которых лежат в моргах города с начала зимы[28]. Переход на безденежные отношения полностью парализует сферу похоронных услуг. Могильщики, гробовщики, возчики и конюхи исполняют лишь самый минимум работ. Отсутствие гробов на государственных складах оказывается повсеместной проблемой[29]. Черный рынок предлагает те же услуги, но по другим, часто недоступным ценам. Несмотря на протесты и санкции со стороны Похоронного отдела, все акторы организации похорон готовы предоставлять свои товары и услуги быстро и вне очереди за наличный расчет[30]. Кроме того, родственники сталкиваются с непродуманностью новой системы регистрации смерти и вынуждены в течение недели и более[31] оформлять необходимые документы:

> Порядок регистрации смерти в Юридическом Отделе — в одном месте — и получения свидетельства на похороны — в другом, — именно в Комиссариате, который, как известно, в свою очередь, должен иметь надлежащие сведения от врача, невольно при обычной повсюду очереди вызывает медленность в совершении похорон[32].

27. «Военнопленные умирали часто в суточный срок. Трупы их валялись вдоль полотна железной дороги, так что поезд по пути в Москву подбирал и грузил их в вагоны для предания в городе погребению». ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 12 об.

28. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 1, 3, 4, 7; ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 7, 11 об. — 13; ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 54. Л. 3.

29. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 52. Л. 6, 7.

30. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 54. Л. 2, 4 об., 6, 8; ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 8.

31. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 16.

32. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л.11 об. Похоронный подотдел неоднократно требовал выдачи документов на похороны в срок не позднее 24 часов после подачи заявления родственниками (ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 25; ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 3 об.). Для того чтобы добиться успеха, родственникам приходилось проявлять известную настойчивость. Вот как описывает это в своих воспоминаниях Питирим Сорокин: «Умереть сейчас в России легко, а вот быть похороненным — очень непросто. В разговорах с десятками чиновников, во многочасовых очередях пролетело четыре дня, прежде чем мы смогли получить разрешение похоронить Веру. В конце наших мытарств мы пригрозили одному чиновнику, что если он не даст разрешения, мы принесем тело в его кабинет». См.: *Сорокин П.А.* Долгий путь: Автобиогр. роман / пер. с англ. П.П. Кротова, А.В. Липского. Сыктывкар: Союз Журналистов Коми АССР: Шыпас, 1991. С. 145.

Бумажная волокита и черный рынок делают похороны сложными и неподъемно дорогими для родственников умерших, и они порой вынуждены оставлять тело в городских моргах, рассчитывая на похороны за счет государства[33].

Обращает на себя внимание крайняя несогласованность работы отдельных элементов похоронной инфраструктуры, вызванная тем, что вновь образованным Отделом похоронно-санитарных мероприятий руководят люди, которые до сих пор никогда не имели дела с похоронной инфраструктурой. Так, например, норма выработки могильщиков в первое время составляет всего 1 взрослую и 1 детскую могилу в день, при том, что реальные возможности могильщиков по сведениям отдельных кладбищ доходят до 3 взрослых и 4 детских могил на одного человека в день[34]. Более того, руководство Отдела не имеет даже точного понимания того, сколько кладбищ переходит в его ведение и в каких районах города они расположены[35]. Обмен оперативной информацией также отсутствует, и для того, чтобы получить сведения о количестве непогребенных трупов в различных учреждениях, отдел публикует объявления в газетах[36].

Для того чтобы преодолеть жесткий похоронный кризис, коммунальные службы прибегают к коллективным захоронениям десятков тел, порой даже без гробов, в одной могиле[37]. Другую трактовку практики коллективных захоронений дает в своей недавней статье С. Малышева[38]. Она утверждает, что коллективные захоронения интерпретировались как параллель коммунальному образу жизни и быстро стали нормализованным вариантом захоронения. Архивные материалы, однако, свидетельствуют о том, что внутри похоронной администрации постоянно велась борьба как за сокращение числа коллективных захоронений, так и за изыскание средств на приведение в порядок и индивидуализацию захоронений[39]. Коллективные захоронения были не следствием идеологи-

33. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 4.

34. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 50. Л. 1 об.

35. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 27.

36. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 26 об.

37. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л.1, 7, 7 об.; ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 50. Л. 3; ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 54. Л. 1, 1 об.

38. Malysheva, S. (2017) “The Russian Revolution and the Instrumentalization of Death”, *Slavic Review* 76(3): 647–654.

39. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 50. Л. 3, 3 об.; ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 7.

ческой стратегии, но лишь ситуативной попыткой найти выход из сложившейся ситуации.

Вот как описывает кризис отчет «О состоянии похоронного в Москве дела в связи с национализацией кладбищ и похоронных бюро», составленный Юрисконсульским отделом Народного Комиссариата Государственного Контроля:

> Точных и полных сведений о числе трупов и местах нахождения их по всей Москве добыть не удалось... трупы стали доставлять на кладбище из военного госпиталя на возах, оголенные, неприкрытые. Много трупов... лежало на кладбище перед Р.Х. н. г. не в могиле, а просто на земле без гробов, в данное время на кладбище имеется незакопанная братская могила, в которую ожидается поступление до 300 трупов из госпиталя Петра 1... находящиеся в могиле трупы, по-видимому, разлагаются. Заслуживает особого внимания, что в морг того же госпиталя в ночь на 25 декабря 1918 года было доставлено сразу только 23 трупа в санитарном, а не в специальных вагонах трамвая[40], остановились с трупами, не доехав, вследствие снежных заносов, полторы версты у бывш. Алексеевского военного училища, трупы оказались в таком безобразном виде, что это вызвало волнение собравшейся утром толпы в 300–400 человек, такое волнение, что пришлось вызвать военную силу. ...трупы... находятся в сильной степени разложения... Их свалили в большом количестве друг на друга, так как форма лица и туловища от сильного сдавливания были изменены. На некоторых трупах была часть собственной одежды, на многих — нижнее белье, иные были совсем голые. По билетикам на трупах трудно было определить личность покойного[41].

Крайний утилитаризм времен острого топливного кризиса и кризиса снабжения заставляет жителей стихийно использовать кладбища под сенокосы. Недостаток топлива заставляет людей использовать кресты, деревья и ветхие постройки на кладбищах

40. В целом санитарные нормы в Москве того времени явно не соответствовали эпидемической ситуации. Так, по отдельным сведениям, трупы умерших от заразных болезней могли перевозиться даже на хлебных подводах. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 1 об.

41. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 12. См. также: Merridale, C. (2002) *Night of Stone. Death and Memory in Twentieth-Century Russia,* p. 132. Penguin Books.

в качестве дров[42]. Ограды и памятники часто также идут в дело. Несмотря на попытки кладбищенской администрации остановить окончательное разорение кладбищ[43], уже летом и осенью 1919 года они полностью теряют свой довоенный вид. Отдел похоронно-санитарных мероприятий, имея крайне скудную информацию «по периферии», проводит обширную ревизию московских кладбищ и конных дворов. Результаты ревизии неутешительны:

> Кладбище до сих пор в полном беспорядке: повсюду сухие листья, сломанные кресты, свалившиеся памятники, могильные холмы совершенно не оправлены, рытье новых могил, как общих, так и частных, происходит не по плану, и расположение их поэтому неправильное, есть даже могила вырытая на дорожке[44].

В 1923 году Похоронный подотдел отдела благоустройства МКХ вынужден открыто признать, что

> в течение многих лет внешний порядок на кладбищах не поддерживался, а в годы топливного кризиса деревянные заборы, ограды могил, кресты расхищались на топливо, для той же цели рубились и деревья; каменные ограды кладбищ во многих местах разобраны местным населением как для сокращения своего пути, а также и для свободного прогона скота, особенно большой вред приносят козы и свиньи. В настоящее время кладбища представляют из себя проходные дворы и благодаря этому страшно загрязняются и разрушаются[45].

Несомненно, похоронный кризис в Москве в 1918–1919 годах был в значительной мере связан с общим кризисом государственных институтов, систем городского управления и неблагополучным санитарным состоянием города, назначением на руководящие

42. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 50. Л. 16. Очевидно, это происходит не только в Москве. См, например, Жиркевич А. запись от 1 июля 1921 года, 7 августа 1922 г. (*Жиркевич А. В.* Потревоженные тени... Симбирский дневник / Сост., предисл. и прим. Н.Г. Жиркевич-Подлесских. М.: Этерна-принт, 2007. 640 с. Цит. по: [http://prozhito.org/person/34, доступ от 20.03.2019].

43. Деревья и кресты на кладбищах строго охраняются. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 50. Л. 16.

44. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 54. Л. 6.

45. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 28.

должности неквалифицированных людей[46]. Однако немаловажно было и то, что похоронные реформы 1918 года разрушили базовый принцип «моральной экономики» погребения, служивший прежде адаптивным механизмом для поддержания кладбищ в надлежащем состоянии. Отчуждение кладбищ у религиозных общин и возможность хоронить человека вне зависимости от принадлежности к данной общине нарушило эту систему, не создавая взамен ничего иного.

Выход из кризиса

Первоочередной задачей, стоявшей перед похоронным подотделом в 1919 году, было скорейшее захоронение трупов, скопившихся в моргах и больницах города, а также нормализация санитарной обстановки на кладбищах. Эта задача была решена сравнительно быстро — уже к 25 мая 1919 года залежей трупов в городе не оставалось[47], во многом благодаря улучшению эпидемической ситуации в городе, а также освобождению могильщиков от воинской обязанности[48] и введению повинности по рытью могил и доставке трупов[49]. Однако, несмотря на эти успехи, глубокий кризис похоронной системы в той или иной форме продолжался на протяжении всего довоенного периода.

Причина, как уже говорилось, в развале старой системы «моральной экономики», основанной на конфессиональной общинности. Социальная программа большевиков предполагала включение похоронных услуг в безусловный набор благ, предоставляемых всем гражданам страны равно и безвозмездно. В рамках социальной политики нового государства похороны входили в набор коммунальных услуг, предоставляемых государством

46. Показательно, что в своей книге о нарративных практиках времен перестройки Нэнси Рис приводит крайне сходный пример: «В выпуске популярной передачи “Совершенно секретно” от 17 декабря 1990 г., например, показывали морг одной из больниц; беседы журналиста с врачами и рабочими перемежались картинами наваленных на столах разлагающихся трупов. Рабочие говорили, что температурные и санитарные условия поддерживаются очень плохо и что крысы постоянно грызут тела; вслед за этим шел кадр с крысами на прогнившем полу коридора (*Рис Н.* «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М.: НЛО, 2005. С. 99).

47. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 2, 2 об.

48. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 1 об., 10.

49. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 4 об.

«в натуральной форме»[50] (то есть без оплаты) всем трудящимся. По идее, это должно было создать условия для равной доступности похоронных услуг для всех граждан республики. Однако такая форма «расчетов» ставила похоронные отделы в крайне уязвимую позицию[51]. Для того чтобы обеспечить бесперебойные похороны, необходимо было наладить кладбищенскую логистику, перевозку тел, работу могильщиков и гробовщиков. Кроме того, необходимо было также преодолеть чудовищную разруху на кладбищах: привести в порядок могилы и дорожки, выстроить ограды, выселить с кладбищ скот, избавить их от хулиганов и бандитов. Новый порядок отказывался от важнейшей составляющей моральной экономики погребения — посильного вклада каждой из семей погребенных. Если раньше благоустройство кладбищ было сферой ответственности прихода, который был заинтересован в посмертной судьбе своих предков, то с отстранением церкви и с разрушением приходской и конфессиональной системы захоронений этот институт поддержания порядка перестал работать. Для того чтобы поддерживать благоустройство кладбищ лишь за счет государственных инвестиций, были необходимы колоссальные средства. В то же время бюджет похоронного подотдела МКХ, который не пополнялся ни за счет оплаты погребений, ни за счет субсидий или кредитов Моссовета, оставался дефицитным на протяжении всего времени его работы.

Необходимо отметить, что даже без таких потрясений, как безденежная экономика периода «военного коммунизма», низкая маржинальность является неизбежной чертой похоронного дела во всех странах мира. Для того, чтобы похоронный бизнес не был убыточным, агенты во всех странах и во все времена получают основную прибыль не за счет погребения как такового (гроб, копка могилы, перевозка гроба), а за счет продажи дополнительных услуг — роскошных гробов и особого катафального транспорта, бальзамирования, венков и цветов, памятников и т. д.[52] Именно так, через градацию разрядов погребения, которые включали в себя различный набор дополнительных благ, функционировала похоронная сфера в России до революции. Однако новая идеология, от-

50. *Ларин Ю.* Не пора ли подождать? // Известия. 1922. № 20 (1459). С. 1.

51. Аналогичные проблемы, несомненно, испытывали и другие отрасли коммунального хозяйства. См. *Орлов И.* Коммунальная страна. Становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917–1941). М.: Изд. дом ВШЭ, 2015.

52. *Мохов С.* Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. С. 138—141.

вергавшая особый статус посмертного существования, не позволяла продавать такого рода дополнительные услуги. Для большевиков «смерть есть либо разложение органического тела, ничего не оставляющего после себя, кроме химических составных частей, образовывавших его субстанцию, либо умершее тело оставляет после себя некий жизненный принцип, нечто более или менее тождественное с душой, принцип, который переживает все живые организмы, а не только человека»[53]. В этом миропонимании особые расходы на похороны выглядят бессмысленной тратой денег и ресурсов. В протоколах заседаний похоронного отдела, равно как и в публицистических статьях постоянно делается акцент на необходимости сократить «бессмысленные» траты на «похоронную роскошь», поскольку «снабжение похорон или могил памятниками и венками может нарушить однообразие погребения для всех граждан»[54].

Таким образом, смена базовых мировоззренческих ориентиров, понимания природы человека и его посмертного бытия не только превращают кладбищенские территории в нефункциональные, но и фактически делает невозможным окупить затраты даже на минимальное благоустройство кладбищ. Однако просто оставить кладбища в стороне оказывается невозможным. Дело в том, что кладбищенские территории с обилием зелени, тишиной и уединенностью (пусть даже и пострадавшие в годы военного коммунизма и НЭПа) занимали особое место в городской среде того времени.

Двумя основными задачами, которые стояли перед похоронным отделом МКХ на пути выхода из кризиса, были бесперебойная организация похорон и благоустройство кладбищ. Новая экономическая политика дает похоронному отделу возможность перейти к решительным действиям, направленным на решение этих задач.

НЭП позволил не только отказаться от тотально безденежных отношений, но и смягчить атеистический и антиклерикальный пафос нового устройства похоронного дела. Практические соображения перевешивают, и в 1923 году для снижения финансового бремени, с одной стороны, и для благоустройства, с другой, большая часть кладбищ сдается в аренду и управление общинам верующих[55] в надежде на то, что «благоустройство их улучшится, благодаря тому, что граждане по религиозным соображениям будут поддерживать

53. *Энгельс Ф.* Диалектика природы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения, 2-е изд.. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 610–611.

54. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 6.

55. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 3 об.

внешний порядок»[56]. Несмотря на то, что сданные в аренду религиозным общинам 23 городских кладбища обеспечивали лишь 10–15% погребений в городе, их передача существенно облегчала работу похоронного отдела. Договор аренды включал в себя пункт об обязательном благоустройстве вверенных в управление территорий, и неисполнение данного пункта могло стать основанием для расторжения договора. Однако сдача кладбищ в аренду не создавала финансовых оснований для их благоустройства — в арендных договорах не было ни слова о том, где общины верующих могут получить средства на то, чтобы привести кладбища в порядок. Одновременно со сдачей кладбищ в аренду 30 городских похоронных бюро «ликвидируются путем сдачи в аренду прежним владельцам»[57].

Сдача в аренду кладбищ и похоронных бюро оказалась эффективной. Возвращение к проверенным принципам моральной экономики и коллективной ответственности позволило существенно улучшить работу кладбищ, а внешний вид их понемногу стал возвращаться к дореволюционному. Однако это никак не помогало благоустройству десяти больших городских кладбищ, оставшихся в ведении отдела и обеспечивавших 85–90% всех захоронений[58]. Похоронный отдел по-прежнему не получал кредитов на благоустройства от МКХ, бюджет оставался дефицитным, хозрасчет, ставший основой подъема экономики во многих областях, был неприменим к похоронам[59], а кладбища продолжали служить приютом для разного рода молодежи — от романтичных мечтателей до бандитов и проституток[60]. Для получения «живых» денег отдел принимает решение сдать все пригодные для этого кладбищенские площади в аренду под сенокосы. При этом помимо арендной платы арендаторы обязывались очищать свои участки от сорной травы и поддерживать на них минимальный порядок[61]. Кроме того, арендаторы были обязаны предоставить определенное количество сена, что позволяло обеспечивать фураж лошадям и наладить бесперебойную работу конного катафального транспорта[62].

56. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 29.
57. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 3 об.
58. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 3 об.
59. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 3.
60. *Зудин И.И., Мальковский К., Шалашов П.* Мелочи жизни. Ленинград, 1929. С. 70–71.
61. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 4.
62. ЦГА СПБ Ф. Р3183. Оп. 1. Д. 75. Л. 46, 49, 51.

План реконструкции похоронного дела

Принятые меры имели паллиативный характер и не могли существенно изменить ситуацию в похоронной сфере. Необходимо было выработать новые принципы работы отрасли. Пришедшая на должность заведующей похоронным отделом МКХ в апреле 1923 года Феодосия Газенбуш разрабатывает подробный план реконструкции похоронного дела в Москве, который должен был, с одной стороны, решить проблему систематического дефицита бюджета, а с другой — привести кладбища столицы в благопристойный вид. План включал в себя три альтернативных варианта, выбрать из которых наиболее приемлемый предлагалось Президиуму Моссовета.

Первым и наиболее привлекательным для МКХ вариантом решения проблем похоронной сферы было строительство в Москве крематория. Широкое внедрение новой технологии погребения со временем позволило бы городским властям, по мнению авторов проекта, вовсе отказаться от захоронений в черте Москвы, а все имеющиеся кладбища превратить в сады и парки[63].

Согласно второму варианту, предлагалось расширить практику аренды и отдать оставшиеся в ведении отдела 10 крупнейших кладбищ в ведение общин верующих: «С передачей всех кладбищ общинам на договорных началах МКХ избавится от ежемесячного дефицита... и будет достигнуто внешнее благоустройство кладбищ»[64].

В том случае, если оба эти варианта окажутся неприемлемыми для Моссовета, похоронный подотдел полагал, что единственным выходом могло быть «увеличение платы за захоронение с таким расчетом, чтобы за покрытием расходов возможно было отчислять известный процент на ремонт кладбищ»[65].

Ответом на докладную записку о скорейшей необходимости реформирования похоронного дела в Москве стало Постановление Президиума Моссовета от 2 мая 1923 года, согласно которому основные кладбища Москвы должны были остаться в исключительном ведении МКХ, за пределами городской черты должны были

63. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 28 об., 29. О кремации и проекте превращения кладбищ в сады см. подробнее: *Соколова А.Д.* Новый мир и старая смерть: судьба кладбищ в советских городах 1920–1930-х годов.

64. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 29.

65. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 29, 29 об.

быть намечены территории для открытия новых кладбищ «для атеистов», а плата за захоронения должна была быть пересмотрена с учетом «классового принципа»[66] таким образом, чтобы «плата за лиц 1-й категории в состоянии покрыть только издержки и что плата с лиц 2-й категории и главным образом 3-й категории составит фонд для подержания внешнего благоустройства кладбищ»[67].

Новая тарифная сетка, основанная на классовом принципе, была принята президиумом Моссовета 30 июня 1923 года. Она предполагала разделение всех умерших на три категории. К первой категории относились рабочие и служащие всех видов. Для похорон лиц этой категории устанавливалась плата в 1 рубль золотом[68]. Ко второй категории относились так называемые лица свободных профессий[69], за погребение которых предлагался тариф в 5 рублей золотом. К третьей категории причислялись «нетрудовые элементы», которые должны были платить 20 рублей золотом. Детей 1 и 2 категории населения необходимо было хоронить бесплатно, а за похороны детей лиц третьей категории предписывалось взимать 5 рублей золотом[70].

Тот факт, что новые принципы тарификации воспроизводили дореволюционные классы погребения, был, несомненно, очевиден как МКХ и Моссовету, так и обывателям. Показательно, что, оспаривая корректировку тарифной сетки Моссоветом, похоронный подотдел прямо проводит параллели с дореволюционными разрядами погребения и их доходностью:

> [До революции] для получения наивысшей доходности территория кладбища делилась на разряды, и в зависимости от разряда взималась плата за места, которая колебалась от 5 — [до] 500 руб. ... Предлагаемая похоронным П/Отделом такса не может считаться для трудящихся обременительной, если сравнить со стоимостью захоронения в дореволюционное время... [когда] средняя стоимость захоронений не могла быть ниже 60 руб., в то время как теперь захоронение в среднем для всех категорий по существующей таксе, считая

66. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 52.

67. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 70.

68. При постоянной галопирующей инфляции в этот период расчеты зачастую приводились в пересчете на довоенные золотые рубли, курс которых ежемесячно устанавливала специальная котировочная комиссия Наркомфина.

69. О категоризации классов в СССР см.: *Байбурин А.К.* Советский паспорт: история — структура — практики. СПб: Издательство ЕУ СПб, 2017. С. 236–248.

70. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 82 об.

> детские могилы, стоит около рубля, то есть более чем в 60 раз дешевле дореволюционного времени[71].

Историк Светлана Малышева также обращается к вопросу о дифференциации оплаты погребения в раннем СССР[72]. Она полагает, что причиной этого была инструментализация смерти новой властью, при помощи которой большевики выстраивали новую социальную иерархию. Я не соглашусь с такой трактовкой. Я полагаю, что введение классового принципа оплаты погребения не было способом конструирования новой иерархии общества. Напротив, старая иерархическая система похорон, лежавшая в основе дореволюционной моральной экономики погребения, была использована для нормализации ситуации в похоронной сфере. Тот факт, что эта мера далась Похоронному подотделу МКХ крайне тяжело, а тарифная сетка была в итоге сокращена в несколько раз, свидетельствует о противодействии этой прагматической мере со стороны Моссовета. Более того, поэтапное возвращение к отдельным элементам старой похоронной системы и детальное обсуждение этих шагов в МКХ и Моссовете свидетельствует о том, что данный шаг стал результатом серии сложных компромиссов между марксистско-большевистскими идеологическими установками и потребностями большого и быстро растущего города.

Как показывает история администрирования кладбищ Москвы, идеи социалистического равенства и отделения церкви от государства на практике оказались вовсе не такими прямолинейными и эффективными, какими они виделись в 1917–1918 годах. Основополагающие пункты этой программы, а именно выведение кладбищ из управления религиозных общин и ликвидация чинов погребения, были существенно скорректированы жизненно важными потребностями города.

Необходимо отметить, что аналогичная коррекция наблюдалась и в процессе становления других социальных институтов нового государства. В частности, формирование института государственного попечения над сиротами в раннем СССР проходило по крайне сходному сценарию: отказавшись от старой системы попечения, которая, как и похоронное дело, во многом была основана на принципах моральной экономики и финансировалась религиозными институтами, государство, осознавая высокую

71. ГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 638. Л. 13, 13 об.

72. Malysheva, S. (2017) “The Russian Revolution and the Instrumentalization of Death”.

идеологическую значимость этого вопроса, берет на себя обеспечение сирот, однако на практике реальные обстоятельства постоянно изменяли политику государства в этой области. В частности, «недофинансирование» детских учреждений, прежде всего детдомов, становится в 1920–1930-е годы обычным явлением, провоцируя кризис их снабжения, болезни и настоящий голод[73]. Аналогичным образом обстояло дело и с администрированием жилищного вопроса[74], озеленения Москвы[75], общего благоустройства городов[76].

Таким образом, новая идеология сама по себе оказывается не в состоянии стать практическим основанием для создания новых эффективно работающих социальных институтов. В попытке исправить существенные, порой катастрофические, дефекты новой архитектуры государственного и муниципального управления власти вынуждены постоянно принимать компромиссные решения, входя в конфликт с ранее декларированными принципами и частично возвращаясь к дореволюционным практикам и основаниям, таким, в частности, как моральная экономика погребения. Бесконечные неудачные попытки найти выход из лабиринта дефектов новых государственных и социальных институтов только усугубляют тот глубокий и всеобъемлющий кризис, в котором находилось советское общество 1920-х годов.

Средством выхода из этого кризиса или, по крайней мере, особым инструментом в начале 1930-х годов становится сталинская «революция сверху», которая, помимо прочего, расставила акценты в шкале государственных ценностей, определив первое место развитию тяжелой инфраструктуры и отодвинув идеологические проекты 1920-х годов на задний план. Существенные изменения, происходящие в стране в период так называемого «великого перелома» 1930-х годов, затрагивают и похоронное администрирование, равно как и другие области социального обеспечения. Перейдя от полурыночной новой экономической политики к форсированной инду-

73. *Смирнова Т.М.* Советский режим и человеческий фактор на примере функционирования системы детских домов. 1917–1930-е годы // The Soviet and Post-Soviet Review. 2016. № 43. С. 36–66.

74. *Кириллова Е.А.* Советская жилищная политика в годы нэпа: квартирный вопрос и домовое самоуправление в Петрограде-Ленинграде // The Soviet and Post-Soviet Review. 2016. № 43. С. 5–35; Matsui, Ya. (2009) "Housing Partnerships, ZhAKTy, or Housing Trusts? A Study of Moscow's Housing Management System, 1917–1937", *Acta Slavica Iaponica,* Tomus 26: 109–139.

75. Там же. С. 199, 201.

76. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. С. 64–67.

стриализации, государство явным образом очертило свое видение экономических приоритетов и тот спектр социальных и других потребностей населения, который требовал финансирования.

Проект реформирования похоронных институтов и практик не входил в этот приоритетный список. Так, похоронный отдел МКХ был расформирован в начале 1930-х годов, и все функции похоронного администрирования были переданы в ведение местных советов. Последние не имели ни ресурсов, ни желания серьезно инвестировать в похоронное дело и благоустройство кладбищ.

Тарифы на погребение по классовому принципу существовали вплоть до формального построения «бесклассового общества», декларированного Конституцией 1936 года, когда сословное основание похоронной инфраструктуры, разрушенное реформами 1917–1918 годов и восстановленное по инициативе МКХ в середине 1920-х, было разрушено снова. Последовавшие затем период форсированной индустриализации и Великая Отечественная война не были подходящим временем для выработки новых экономических или идеологических оснований для похоронной инфраструктуры, и проблемы, возникшие в ранние годы Советской власти, оставались актуальными до ее конца.

Так, в своем исследовании советской обрядности и атеизма 1960–1980-х годов американский историк Виктория Смолкин подчеркивает, что несмотря на то, что вопрос о ритуале социалистических похорон неоднократно поднимался на различных идеологических совещаниях, в социологических исследованиях, в докладах и записках в разные государственные и партийные органы, осмысление «обыкновенной советской смерти» оставалось серьезной идеологической проблемой вплоть до конца советского периода. При этом попытки решить эту проблему, сформировав новый, «идеологически правильный» социалистический похоронный ритуал, наталкивались на чудовищное состояние похоронной инфраструктуры, когда родственники были вынуждены брать на себя практически все материальное и ритуальное обеспечение похорон, включая катафальный транспорт[77].

Таким образом, драматичный разрыв между идеологическими установками и реальностью, возникший в похоронной отрасли и, шире, в повседневных мортальных практиках уже в самые первые

77. *Смолкин-Ротрок В.* Проблема «обыкновенной» советской смерти: материальное и духовное в атеистической космологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. №3–4(30). С. 430–463.

годы Советской власти, со временем лишь усугублялся, при этом проблема несоответствия «неидеальной» советской смерти идеалу советской жизни отодвигалась на периферию государственной идеологии и политики, одновременно оставаясь важным элементом повседневной жизни в СССР — обществе, где не знали, как хоронить «правильно».

* * *

Советское государство, особенно в самый ранний период своего существования, часто представляется нам своеобразной монополией идеологии, структурой, в которой утопические идеи большевизма могли в одночасье приводить к любым практическим последствиям. Несомненно, роль идеологии в этот и другие периоды существования СССР была крайне велика. Но насколько безграничны, даже при всей полноте политической власти, были возможности большевиков по воплощению марксистской утопии в жизнь? История реформ похоронного администрирования в раннем СССР, как кажется, ясно демонстрирует те преграды, которые стояли на пути идей, как новые советские институты рождались из повсеместного конфликта утопии и реальности.

В то же время история похоронных реформ — это история о том, как новая политическая власть абсорбирует и приспосабливает под свои нужды старые структуры и практики. Принципы моральной экономики погребения и коллективной ответственности за захоронения, которые до революции служили консолидирующим механизмом в иерархизированном сословном обществе, отчасти заимствуются Советской властью и превращаются в новый эффективный механизм сегрегации. Однако, несмотря на государственную политику, для населения достойное погребение все еще продолжало быть общественным благом, и об этом свидетельствуют многочисленные случаи, имевшие место на протяжении 1920-х годов, которые могут быть интерпретированы как проявление прежней моральной экономики погребения. Если Комитет по охране могил выдающихся деятелей при Обществе изучения Московской губернии и Общество старых большевиков предлагают официально вернуться к старым практикам совместного финансирования благоустройства захоронений, по крайней мере, известных людей и, в конце концов увязнув в бесконечной бюрократии, сдаются, то обычные люди просто берут на себя похороны и благоустройство могил порой совершенно чужих лю-

дей, чтобы кладбище в целом выглядело благоустроенно. В более традиционном сельском обществе похоронные реформы и вовсе не получили практически никакого отражения, во многом сохранив элементы моральной экономики погребения на протяжении всего советского периода.

Библиография / References

Архивные материалы

Государственный архив Московской области (ГАМО).

Ф. 4557 — Фонд Московского коммунального хозяйства.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПБ).

Ф. Р3183 — Фонд Подотдела хозяйственных предприятий Петроградского губернского отдела коммунального хозяйства.

Литература

Байбурин А.К. Советский паспорт: история — структура — практики. СПб: Издательство ЕУ СПб., 2017.

Бартель Г. Кремация. М.: Издание МКХ, 1925. Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. (Серия: Церковные реформы). М.: Круглый стол по религиозному образованию и диаконии, 2013.

Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. (Серия: Церковные реформы). М.: Круглый стол по религиозному образованию и диаконии, 2013.

Бонч-Бруевич В.Д. Отделение церкви от государства // Деятели Октября о религии и церкви. М.: Изд-во «Мысль», 1968. С. 13.

Декрет СНК О кладбищах и похоронах // Декреты Советской власти. М.: Государственное издательство политической литературы, 1968. Т. 4. С. 163–164.

Декрет СНК Об отделении церкви от государства и школы от церкви // Декреты Советской власти. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 1. С. 372.

Жиркевич А.В. Потревоженные тени... Симбирский дневник / Сост., предисл. и прим. Н.Г. Жиркевич-Подлесских. М.: Этерна-принт, 2007.

Зудин И.И., Мальковский К., Шалашов П. Мелочи жизни. Ленинград, 1929.

Канализация г. Москвы, очистка, водостоки, бани и кладбища / под ред. П.В. Сытина. М.: Издание МКХ, 1925.

Кириллова Е.А. Советская жилищная политика в годы нэпа: квартирный вопрос и домовое самоуправление в Петрограде-Ленинграде // The Soviet and Post-Soviet Review. 2016. №43. С. 5–35.

Ларин Ю. Не пора ли подождать? // Известия. 1922, №20 (1459). С. 1.

Маслинская С.Г. (Леонтьева) «По-пионерски жил, по-пионерски похоронен»: материалы к истории гражданских похорон 1920-х гг. // Живая старина. 2012. № 3. С. 49–52.

Мохов С. Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. М.: Commonplace, 2018.

Орлов И. Коммунальная страна. Становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917–1941). М.: Изд. дом ВШЭ, 2015.

Паперный В. Культура два. М.: НЛО, 1996.

Рис Н. «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М.: НЛО, 2005.

Смирнова Т.М. Советский режим и человеческий фактор на примере функционирования системы детских домов. 1917–1930-егоды // The soviet and post-soviet review. 2016. № 43. С. 36–66.

Смолкин-Ротрок В. Проблема «обыкновенной» советской смерти: материальное и духовное в атеистической космологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. №3–4 (30). С. 430–463.

Соколова А.Д. «Гроб неизбежен...». Гвидо Бартель о кремации: инженер и гигиенист. С комментариями Анны Соколовой // Археология русской смерти. 2018. Том 5. Стр. 24–58.

Соколова А.Д. Новый мир и старая смерть: судьба кладбищ в советских городах 1920–1930-х годов // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018. № 1 (117). С. 74–94.

Соколова А.Д. Трансформации похоронного обряда в 1920-е года // Традиционная культура русского народа в период 1920–1930-х годов: трансформации и развитие. / Отв. ред. В.А. Липинская. М.: «Индрик», 2016.

Соколова А.Д. «Нельзя, нельзя новых людей хоронить по-старому!» Эволюция похоронного обряда в Советской России // Отечественные записки. 2013. № 5(56). С. 191–208.

Сорокин П.А. Долгий путь: Автобиогр. роман / пер. с англ. П. П. Кротова, А.В. Липского. Сыктывкар: Союз Журналистов Коми АССР: Шыпас, 1991.

Филиппова С.В. Кладбище как символическое пространство социальной стратификации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 4. С. 80–96.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008.

Шкаровский М. Строительство Петроградского (Ленинградского) крематория как средство борьбы с религией // Клио. СПб. 2006. № 3. С. 158–163.

Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 343–628.

Archival materials

Gosudarstvennyi arkhiv Moskovskoi oblasti [State Archive of the Moscow Region].

F. 4557 — Fond Moskovskogo kommunal'nogo khoziaistva [Moscow Communal Services Fund].

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt Peterburga [Central State Archive of St. Petersburg].

F. R3183 — Fond Podotdela khoziaistvennykh predpriiatii Petrogradskogo gubernskogo otdela kommunal'nogo khoziaistva [Fund of the Subdivision of economic enterprises of the Petrograd provincial department of municipal services].

Literature

Baiburin, A.K. (2017) *Sovetskii pasport: istoriia — struktura — praktiki* [Soviet passport: history, structure, practice]. SPb: Izdatel′stvo EU SPb.

Bartel′, G. (1925) *Krematsiia* [Cremation]. Moscow: MKH.

Beliakova, E.V. (2013) *Tserkovnyi sud i problemy tserkovnoi zhizni. (Seriia: TSerkovnye reformy)* [Church court and the problems of church life. (Series: Church Reforms)]. Moscow: Kruglyi stol po religioznomu obrazovaniiu i diakonii.

Binns, C.A.P. (1979) "The Changing Face of Power: Revolution and Accommodation in the Development of the Soviet Ceremonial System. Part I", *Man (New series)* 14: 585–606.

Binns, C.A.P. (1980) "The Changing Face of Power: Revolution and Accommodation in the Development of the Soviet Ceremonial System. Part II", *Man (New series)* 15: 170–187.

Bonch-Bruevich, V.D. (1968) "Otdelenie tserkvi ot gosudarstva" [Separation of church from state], in *Deiateli Oktiabria o religii i tserkvi*, s. 13. Moscow: Mysl′.

"Dekret SNK O kladbishchakh i pokhoronakh" [SNK Decree On the cemeteries and funerals] (1968), in *Dekrety Sovetskoi vlasti. T. 4*, pp. 163–164. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel′stvo politicheskoi literatury.

"Dekret SNK Ob otdelenii tserkvi ot gosudarstva i shkoly ot tserkvi" [SNK Decree On the separation of the church from the state and the school from the church] (1957), in *Dekrety Sovetskoi vlasti. T. 1*, s. 372. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel′stvo politicheskoi literatury.

Engel′s, F. (1961) "Dialektika prirody" [Dialectics of Nature], in K. Marks, F. Engel′s *Sochineniia*. Vol. 20, pp. 343–628. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel′stvo politicheskoi literatury.

Filippova, S.V. (2009) "Kladbishche kak simvolicheskoe prostranstvo sotsial′noi stratifikatsii" [Cemetery as a symbolic space of social stratification], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* 12(4): 80–96.

Fitspatrik, Sh. (2008) *Povsednevnyi stalinizm. Sotsial'naia istoriia Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 30s: city]. Moscow ROSSPEN.

Kirillova, E.A. (2016) "Sovetskaia zhilishchnaia politika v gody nepa: kvartirnyi vopros i domovoe samoupravlenie v Petrograde-Leningrade [The Soviet housing policy in the years of the New Economic Policy: the housing problem and the local government in Petrograd-Leningrad]", *The Soviet and Post-Soviet Review* 43: 5–35.

Larin, Iu. (1922) "Ne pora li podozhdat'?" [Is it time to wait?], *Izvestiia* 20(1459): 1.

Malysheva, S. (2017) "The Russian Revolution and the Instrumentalization of Death", *Slavic Review* 76(3): 647–654.

Maslinskaia, S.G. (Leont'eva). (2012) "«Po-pionerski zhil, po-pionerski pokhoronen»: materialy k istorii grazhdanskikh pokhoron 1920-kh gg." ["He lived in a pioneer manner, he was buried in a pioneer manner": materials on the history of civilian funerals of the 1920s.], *Zhivaia starina* 3: 49–52.

Matsui, Ya. (2009) "Housing Partnerships, ZhAKTy, or Housing Trusts? A Study of Moscow's Housing Management System, 1917–1937", *Acta Slavica Iaponica*, Tomus 26: 109–139.

McDowell, J. (1974) "Soviet Civil Ceremonies", *Journal for the Scientific Study of Religion*, 13 (3): 265–279.

Merridale, C. (2002) *Night of Stone. Death and Memory in Twentieth-Century Russia*, p. 132. Penguin Books.

Mokhov, S. (2018) *Rozhdenie i smert' pokhoronnoi industrii: ot srednevekovykh pogostov do tsifrovogo bessmertiia* [Birth and death of the funeral industry: from medieval graveyards to digital immortality]. Moscow: Common place.

Orlov, I. (2015) *Kommunal'naia strana. Stanovlenie sovetskogo zhilishchno-kommunal'nogo khoziaistva (1917–1941)* [The communal country. Formation of

the Soviet housing and communal services (1917–1941)]. Moscow: HSE university press.

Papernyi, V. (1996) *Kul'tura dva* [*Culture two*]. Moscow: NLO.

Ris, N. (2005) *«Russkie razgovory»: Kul'tura i rechevaia povsednevnost' epokhi perestroiki* ["Russian Talks": Culture and everyday speech of the era of perestroika]. Moscow: NLO.

Scott, J.C. (1985) *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. Yale University Press.

Scott, J.C. (1977) *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. Yale University Press.

Shkarovskii, M. (2006) "Stroitel′stvo Petrogradskogo (Leningradskogo) krematoriia kak sredstvo bor′by s religiei" [The construction of the Petrograd (Leningrad) crematorium as a means of fighting religion], *Klio* 3: 158–163.

Smirnova, T. M. (2016) "Sovetskii rezhim i chelovecheskii faktor na primere funktsionirovaniia sistemy detskikh domov. 1917–1930-e gody" [The Soviet regime and the human factor: an example of the functioning of the system of orphanages, 1917–1930s], *The Soviet and Post-Soviet Review* 43: 36–66.

Smolkin-Rotrock, V. (2012) "Problema "obyknovennoi" sovetskoi smerti: material'noe i duhovnoe v ateisticheskoi kosmologii" [The problem of "ordinary" Soviet death: material and spiritual in atheistic cosmology], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 3–4 (30): 430–463.

Sokolova, A.D. (2013) "«Nel'zia, nel'zia novykh liudei khoronit' po-staromu!» Evoliutsiia pokhoronnogo obriada v Sovetskoi Rossii" ["It is impossible, it is impossible to bury new people in the old way!" Evolution of the funeral rite in Soviet Russia], *Otechestvennye zapiski* 5(56): 191–208.

Sokolova, A.D. (2016) "Transformatsii pokhoronnogo obriada v 1920-e goda [Transformations of the funeral rite in the 1920s]", in V. A. Lipinskaia (ed.) *Traditsionnaia kul'tura russkogo naroda v period 1920–1930-kh godov: transformatsii i razvitie*. Moscow: Indrik.

Sokolova, A.D. (2018) "«Grob neizbezhen...». Gvido Bartel' o krematsii: inzhener i gigienist. S kommentariiami Anny Sokolovoi" ["The coffin is inevitable ...". Guido Bartel about cremation: engineer and hygienist. With comments by Anna Sokolova], *Arkheologiia russkoi smerti* 5: 24–58.

Sokolova, A.D. (2018) "Novii mir i staraja smert: sudba kladbisch v sovetskikh gorogakh 1920–1930h godov" [New world and the old death: the fate of cemeteries in the Soviet cities of the 1920s–1930s], *Neprikosnovennyii zapas* 117(1): 74–94.

Sorokin, P.A. (1991) *Dolgii put': Avtobiogr. Roman* [The Long way: autobiographical novel]. Syktyvkar: Soiuz Zhurnalistov Komi ASSR, SHypas.

Sytin, P.V. (ed.) (1925) *Kanalizatsiia g. Moskvy, ochistka, vodostoki, bani i kladbishcha* [Sewerage in Moscow, cleaning, drains, baths and cemeteries]. Moscow: MKH.

Wegren, S.K. (2005) *The Moral Economy Reconsidered Russia's Search for Agrarian Capitalism*. New York: Palgrave Macmillan.

Zhirkevich, A.V. (2007) *Potrevozhennye teni... Simbirskii dnevnik* [Disturbed shadows ... Diary of Simbirsk]. Moscow: Ėterna-print.

Zudin, I.I., Mal′kovskii, K., Shalashov, P. (1929) *Melochi zhizni* [Little things of life]. Leningrad.